

УДК 165.62(43)+165.12

Постнеклассическая рациональность в контексте гуссерлевского учения об интенциональности сознания

Д. В. Малахов, аспирант*

В статье анализируется возможность обращения к гуссерлевскому учению об интенциональности сознания при исследовании проблем, связанных с ценностными аспектами неклассической научной рациональности. В связи с этим рассматривается вопрос о корреляции субъективного и интерсубъективного содержания деятельности, конституирующей рациональное начало культуры.

The Postnonclassical Rationality in a Context of Husserl's Doctrine about the Intentionality of the Consciousnesses

D. V. Malakhov, Postgraduate Student

The article analyzes the possibility to connect the Husserl's doctrine about the intentionality of consciousness with valuable aspects of nonclassical scientific rationality. In this connection the question on correlation subjective and intersubjective maintenances of the activity constituting a rational basis of culture is considered.

В последние десятилетия одним из важных направлений в философии науки становится исследование субъективной составляющей научной деятельности. Феноменология как универсальный метод создавалась Э. Гуссерлем в соответствии с идеалом строгой научности. С другой стороны, она имеет ярко выраженную личностную направленность, предполагает уникальное видение сущностной проблематики человека и мира, обретаемое благодаря специфическим феноменологическим процедурам универсальной эпохи, трансцендентальной и эйдетической редукций, выключения Я, выносящего суждения. Проблему субъективного и объективного в феноменологии зачастую рассматривают с точки зрения классического понимания субъекта как пребывающего в мире и вырабатывающего о нем более или менее адекватные представления.

У Э. Гуссерля речь идет о трансцендентальном Я, в котором объективная реальность приобретает характер смысловой, находящейся во всей своей изменчивости в отношении коррелята со структурами сознания, волевым образом разрывающего собственную зависимость от представлений, приносимых в него из окружающего мира. При этом своеобразной «точкой», из которой взгляд направлен на реальность, является не противостоящий реальности субъект познания, а смысловой коррелят

реальности и трансцендентального Я. Способность сознания не быть послушным восприимчивым образом, смыслов и содержаний, приходящих извне, получила в феноменологии название интенциональности. В настоящей статье ставится задача установления возможности применения гуссерлевского учения об интенциональности сознания к решению проблем, связанных с ценностным аспектом рациональности в целом. В связи с этим также рассматривается вопрос субъективного и интерсубъективного содержания деятельности, конституирующей рациональное начало культуры.

Проблема корреляции субъективной и объективной реальностей затрагивает такие сферы науки, как формирование научной картины мира и стиля научного мышления, выработка стратегических ориентаций научного познания, ценностных оснований научного творчества, личной ответственности отдельного ученого и ученого сообщества в целом. Существенной задачей исследований является развитие форм предпосылочного знания, включающего в себя как концептуальные, так и неконцептуальные предпосылки науки. Концептуальные предпосылки науки включают в себя формально-логический аппарат, фундаментальные и частные теоретические схемы, а также идеалы и нормы исследования. Неконцептуальные предпосылки рассматриваются в контексте некоего горизонта сознания, который невозможно четко зафиксировать и выразить в формализованном виде. Это сфера индивидуальных смыслов, традиций или, шире, жизненного мира, в котором осуществ-

*Аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук БГУ. Научный руководитель — кандидат философских наук, доцент А. П. Ждановский.

вляется научная деятельность. В развитии предположительного знания существенную роль выполняет философия. В последние десятилетия в философии науки констатируется ситуация, указывающая на своеобразный «ренессанс» философского мышления в науке — соединение методологической рефлексии с философией, которая синтезирует в себе все рефлексивные формы.

Философская рефлексия генетически связана с проблемой ценности, репрезентирующей в постнеклассическом типе рациональности. При этом понятие ценности указывает на необходимость расширения понятия научной рациональности до рациональности в целом, рассматриваемой в аспекте своей ценности для человеческой культуры. Наблюдается своеобразный исход научной рациональности в мир в виде принципов и идеалов мышления, соединяющего предметную сферу данного в познании и опыте со сферой горизонтного видения потенциальных возможностей для конструирования реальности. Постнеклассическая рациональность не противостоит классическому и неклассическому типам. Ее природа может быть рассмотрена, скорее, с точки зрения возвращения утраченной цельности духовным формам, лежащим в основе философского и научного познания.

Значительная часть исследователей в области философии науки указывают на тот факт, что переход от классической к неклассической рациональности был вызван не только открытиями в естественнонаучной сфере, вызвавшими кардинальный пересмотр научной картины мира и повлекшими фундаментальные изменения в мировоззрении в целом, но и разрушением устоявшейся духовной формации. Так, М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьев и В. С. Швырев, интерпретируя философское мышление как выражающее феномен рациональности в целом, отмечают, что поражению подверглось классическое понимание сознания как рефлексивного и достигающего статуса абсолютного в феномене самосознания. В классическом типе рациональности духовное производство и, следовательно, культурные основания социума находились в естественной корреляции с индивидуальным самосознанием, выступавшим своего рода кирпичиком проекта просвещения. Сращение же философских идей, абстракций и научных достижений с идеологическими формами общественной жизни вызвало ситуацию отчуждения, в которой рефлексизирующее сознание более не могло находить в окружающей действительности соответствующие ему ценностно-идеальные формы. Внутреннему распаду классической рациональности предшествовало глубокое

осознание бессилия мыслящего абсолютными категориями сознания перед косной и иррациональной силой вещей, его неспособность апеллировать к усматриваемым им с очевидностью идеальным сущностям перед лицом реальности.

Согласно М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьеву и В. С. Швыреву, слом духовной формации классической рациональности привел к возникновению особого рода внутренней потерянности — ситуации «экзистенциального вакуума», образовавшегося вокруг структуры формообразующих сил духовного производства и телеологических оснований частных и общественных форм деятельности. Ситуация экзистенциального вакуума выходит за рамки мировоззрения отдельного индивида, обладающего привилегированным, интеллектуальным видением процессов, происходящих в действительности, и выражается в том, что «содержания духовных (культурных, научных) достижений превращаются в абстракции, с которыми индивид и общество утрачивают внутреннюю связь» [1, с. 402]. В пределе эта ситуация означает утрату трансцендентных оснований мышления, которые проявляются как объективно, так и субъективно. Объективные проявления затрагивают понятийный аппарат, ориентированный на познание абсолютного, социальные структуры духовного воспроизводства, рефлексивное мышление в целом, а также снижение статуса знания и сознания в обществе, доминирование идеологических моделей и иррациональных побуждений. К субъективным проявлениям относятся тип осознания мыслителем себя в качестве мыслящего в обществе и в отношении, которое устанавливается в этом обществе к духовному продукту его деятельности. К сфере, объединяющей в себе объективную и субъективную реальности, относятся типы конструкции реальности, воссоздающиеся внутри теоретических схем и создающие то или иное отношение к этой реальности.

Таким образом, фундаментальному изменению подвергается как научная картина мира, так и мировоззрение в целом. Исходя из интенции этой ситуации, неклассическая рациональность репрезентирует духовную форму, призванную найти механизмы осмысления и освоения сложившейся ситуации. Постнеклассическая рациональность, переносящая центр тяжести на исследование ценностной природы научной деятельности, представляет собой стремление не просто осмыслить в новых формах, но преодолеть ситуацию, удачно названную экзистенциальным вакуумом. С этим связано устойчивое обращение к феномену традиции, миру ценностей, индивидуальной ответственности ученого и мыслителя. В философии

науки это проявляется в обращении к экзистенциальным истокам научного творчества, в рассмотрении сущностных связей между концептуальными структурами картины мира и структурой теории. В контексте проблемы рациональности, как отмечает В. С. Швырев, «эвристическая конструктивная роль действительно плодотворной «картины мира» или «картины реальности» может быть... отнюдь не менее, а более значительной, чем теория» [2, с. 93].

Существенным моментом феномена постнеклассической рациональности является проблема соотношения рационального и иррационального начал, образующих картину реальности. Поспешные стремления перебросить мост между научной рациональностью и неопределенным, иррациональным началом субъективной психики и общественных форм сознания приводит к интеллектуальной ситуации, определяемой В. С. Швыревым как «рациональность без берегов». Вместе с тем В. С. Швырев подчеркивает, что новая рациональность не предполагает возврата к необходимому компоненту классического типа, в котором мир представляет собой данное, зафиксированное положение вещей. Скорее, мир представляет собой открытую проблему, требующую не наблюдателя, обладающего абсолютным самосознанием, а различных точек зрения, различных топологических пространств участия в решении «задачи», а также способности к рефлексии над методологией собственных рациональных действий.

Постнеклассическая рациональность выдвигает необходимость внутреннего обновления, направленного на ликвидацию ситуации экзистенциального и нормативного разрыва между мышлением, действием и ценностью. В этом ключе обращение к феноменологии может иметь позитивный результат. Невозможно переоценить значение феноменологии Э. Гуссерля, когда речь заходит об идее обновления, касается ли она отдельного человека, общества в целом или научного познания. Кризисная ситуация европейского человечества связывалась Э. Гуссерлем с утратой философских оснований культуры и научной деятельности. В субъективном плане это может означать утрату сознанием способности выявлять смысловое содержание предданной действительности, а также принятых априорных форм мышления. Разрабатывая понятие новой — «открытой» — рациональности В. С. Швырев замечательно точно определил суть ее корреляции с индивидуальным сознанием: «Рациональность направлена против всех дорациональных форм сознания, при которых человек не является хозяином своего сознания. То есть против тех факторов,

будь то инстинкты, социальные штампы, какие-то ценностные неосознаваемые установки, которые не дают осуществлять «мужество жить собственным умом», что Кант считал сутью просвещения. Развитие возможности «жить собственным умом» осуществляется как раз через культуру рационального сознания» [3, с. 123].

В русскоязычном поле современной философии науки обращение к феноменологии не является редкостью. Внимание, проявляемое к феноменологии со стороны естественнонаучных дисциплин, предполагает возможность рассматривать последнюю как сферу, в которой объективная реальность физических, химических и биологических объектов и процессов входит в коррелятивное отношение с реальностью трансцендентального субъекта, то есть представляет собой не только гносеологическое, но онтологическое и аксиологическое единство. Согласно современному французскому философу Ж.-Л. Нанси, это единство подчиняется логике внутренне-внешних отношений, сменяющей классическое отношение субъекта и объекта познания.

Так, феноменология М. Хайдеггера рассматривается И. А. Акчуриным в аспекте междисциплинарного синтеза физики, математики и биологии. Одним из компонентов проблемы установления концептуального уровня взаимодействия указанных дисциплин является учение М. Хайдеггера о *Gegnet* («окрестности», «открытая даль»), интерпретируемое в контексте топологических пространств и топологических структур «глобальной динамики любого рода объектов, позволяющих выявить в любом живом объекте его формообразующие и самовоспроизводящие факторы» [4, с. 204]. Тип объектов, который, возможно, предстоит освоить естественнонаучным дисциплинам, представляет собой новый род единства философского обобщения и предметной конкретики. «Конструктивные объекты» являются «основными динамическими структурами, обеспечивающими физико-химическую реализацию в живом тех процессов, которые Аристотель назвал формирующими и которые... существенно отличают все живое от неживого» [4, с. 206]. Согласно И. А. Акчурину, ценность феноменологии заключается в разработке философских оснований для сближения в едином пространстве вещей и объектов, которые ранее казались далекими друг от друга, более того — несопоставимыми друг с другом, как, например, объекты органической и неорганической природы, структуры сознания и топологические пространства.

Проблема рациональности в контексте гуссерлевского учения об интенциональности сознания

рассматривается С. Н. Жаровым на материале квантовой теории. Возможность соотнесения структур чистого сознания и сознания, находящегося в естественной установке, раскрывается им в аспекте психологии научного творчества и интерпретации приборной ситуации при квантовых измерениях. Позиция С. Н. Жарова, являющаяся, безусловно, спорной и не вполне обоснованной с физической точки зрения, тем не менее представляет существенный интерес в плане формулируемой им концепции «размыкающей рациональности», опирающейся на такие базовые понятия феноменологии Э. Гуссерля, как внутренняя трансцендентность, феноменологическая установка сознания и горизонт потенциального содержания.

В феноменологии сознание направлено на предмет, при этом направленность не означает внимания, поскольку последнее — психологическое состояние, которому свойственны относительность, эмоциональность, туманность и краткосрочность. Феноменологическая направленность лишена эмоционального содержания в том смысле, что имеет своим предметом не чувственную вещь или явление, а их значение (смысл). Направленность означает обретение нового содержания, которым сознание наделяет предмет. Предмет представляет собой не физическую или логическую, а идеально-ценностную реальность. Так, П. П. Гайденко и В. И. Молчанов определяют понятие интенциональности в связи со смыслом, который порождается самим сознанием. Смысл не тождествен реальному или идеальному предмету, психологическому образу предмета, логической структуре высказывания, психологическому событию, он идеален и непредметен и представляет собой личностное активное отношение к идеальному предмету [5, с. 122].

Исходя из понятия интенциональности, размыкающая рациональность определяется как «способная выйти за рамки замкнутого круга логической себестождественности и осуществить творческую новизну, недоступную чисто логической мысли. Творческое трансцендирование прежде всего размыкает не мысль, а само существование, давая ту связь с миром, которая составляет бытийные корни *cogito*» [6, с. 137]. Бытийные корни интерпретируются не в качестве прообразов вещей или логических сущностей, но представляют собой интенциональные предметы, назначение которых состоит в соотнесении научной объективности не с вещами или явлениями, а с их потенциальными возможностями — горизонтом, который открывается в сознании как смысловое предметное поле. Подход, при котором вещь или явление изначально вписываются в готовую структуру зна-

ния, связывается в феноменологии с естественной установкой сознания, рассматривающего их в аспекте внешней — пространственно-временной — данности. Горизонт же выполняет функцию связывания вещей и явлений с Универсумом и с трансцендентальным субъектом, раскрывает смысл их собственного существования в контексте целого в ранге потенциальных возможностей инвариантного самораскрытия (потенциальностей).

В целом, обращение естественных наук к феноменологии связано с эвристической функцией новых научных объектов. Переход к рассмотрению феноменологии в контексте постнеклассической рациональности, предполагает обращение к ценностному аспекту гуссерлевского учения об интенциональности сознания. В этом случае интенциональность выступает не только как эвристический компонент научной картины мира, но и как конституирующее человека и общество начало. Э. Гуссерль подчеркивает, что цель феноменологии как чистой науки (основания всех наук) заключается в установлении универсальной критической позиции в отношении всех форм культурной деятельности [7, с. 113]. Приобретение этой позиции совершается в отдельном человеке, который с помощью основных феноменологических процедур внутренне обосновал ее как необходимую. Человек, вставший на путь феноменологического преобразования естественной установки сознания, входит тем самым в состояние обновления, образующими этическими компонентами которого выступают: идеальная возможность, априорная нормативность, универсальное саморегулирование и априорная всеобщность.

Структура трансцендентальной субъективности раскрывается через интенциональность в двух аспектах. Это, во-первых, телеологичность — энтелехияльное движение к цели, которой не положены пространственно-временные пределы. Во-вторых, интенциональность обеспечивает деятельность как собственно ценностное воление. Ключевым понятием в данном случае является «горизонт возможностей», открывающий себя как потенциально осуществимый. Актуализация потенциальностей представляет собой личное дело, усилие или процесс деятельности трансцендентального Я. Исходя из телеологического и деятельностного характера интенциональности, базовым понятием этики Э. Гуссерля выступает идеальная возможность самоосуществления рационально мыслящего человека. Строгая рациональность всегда полагалась Э. Гуссерлем не только и не столько в контексте структуры научного знания, сколько как формообразующее начало культуры в целом. Научная ясность понимания

самого разного рода проблем является силой, способной преобразить человека, превратить разрывающие его желания в осознанные стремления, вырвать из-под власти аффективных переживаний и смутных предчувствий катастрофы [8, с. 112—113].

Понятие априорной нормативности строится Э. Гуссерлем по образцу математической теории, наиболее полно воплощающей идеи интенциональности и феноменологической установки сознания. В чистой математике строгая мысль и творческое воображение, конституирующие миры идеальных форм и значений, выбирающие пути доказательств и обоснований в бесконечном поле взаимодействия символов и пространств, выступают теми разумными нормами, которые осуществляют руководство практикой. Математическая теория, исходящая не из принципа экспериментальной проверяемости своих утверждений, а из полноты внутреннего согласия теории и совершенства аксиоматической базы, является для Э. Гуссерля образцом нормативности, в соответствии с которым осуществляется ценностное конституирование действительности. Эта идеальная нормативность коррелируется с «чистыми абстракциями духа» или «сущностными необходимостями разума», выступающими, по Э. Гуссерлю, в качестве фундаментальных человеческих стремлений к благу, свободе, истинности, подлинности [8, с. 116].

Такого рода нормативности определяется в качестве априорной. Она призвана действовать в отношении любой фактичности, идет ли речь о мире природы или мире духовных ценностей. В соответствии с априорной нормативностью Э. Гуссерлем формулируется содержание метода сущностного исследования, который он предлагает в качестве базового метода чистой науки о духе: «Расценивать факты в соответствии с законами их чистой возможности» [8, с. 119]. Например, в качестве идеальных предметов выступают не понятия семьи, общества, религии, науки и не универсалии наподобие красоты и добра, а нормативные образы: истинная наука, подлинная красота и т. п. Критерием преобразования действительности выступает соотнесение сущностных необходимостей разума с реальным положением дел как подлинного и неподлинного, истинного и неистинного. При этом задачей этики как сущностной науки является методическое выявление форм истинной духовности в ее преданных (предпосылочных) формах, представление их в качестве необходимых форм априорной нормативности и понятийное закрепление в систематическом построении. В этом случае существенным оказывается поло-

жение феноменологии о том, что для образования ценностных суждений необходимо основание, которое при этом не является их набором. Это, в частности, затрудняет ориентирование на конъюнктурные и сиюминутные суждения, находящиеся во власти инстинктов, эмоций и поверхностного усвоения проблем, а также казуистическую игру ценностными нормативами.

Пересмотр, который осуществила феноменология в отношении установившегося в Европе на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков понимания ценностей, может быть прояснен обращением к критике М. Хайдеггером теории ценности неокантианской школы В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Так, в ранней работе «Феноменология и трансцендентальная философия ценности» М. Хайдеггер указывает на ряд положений, подлежащих переосмыслению. Это, во-первых, факт установления зависимости ценностного характера истины от нормативов долженствования, которые предоставляют наукам о духе предмет «в готовом виде», т. е. предмет получает свой смысл, исходя из априорной конструкции ценностных суждений [9, с. 45]. Во-вторых, это представление самого сознания как «системы норм, которые делают возможными общезначимые суждения» [9, с. 49]. В-третьих, это «отказ от необходимой стороны общей проблемы — касательно проблемы субъекта» [9, с. 82].

Проблема субъективности и интерсубъективности раскрывается Э. Гуссерлем в понятиях универсального саморегулирования и априорной всеобщности. Метод сущностного исследования применяется им как к отдельному человеку, так и к обществу в целом: наличные формы общественной и культурной жизни предстают в первую очередь как подлежащие рациональному осмыслению и преобразованию в соответствии с априорной нормативностью. Априорная всеобщность означает, что в отношении общества распространяются те же принципы универсальной критической установки, в соответствии с которыми действует рационально мыслящий человек. При этом специфическим является утверждение общества как личностного начала, вбирающего в себя, но не растворяющего в себе отдельные личностные деяния. Уподобление государства, нации, расы или церкви единой личности неоднократно имело место в истории. Однако Э. Гуссерль не уподобляет обществу идеальной личности, в которой осуществлялось бы достижимое воление народа. Скорее, наоборот, «общество может стать личностью более высокого порядка, чем единство волевой субъективности, не через соединение личных дел, но через реализуемость личностных достижений сообщества в его устремлении и волении» [8, с. 122].

Речь идет о рассмотрении любого сообщества исходя из единичных потенциальностей. При поверхностном взгляде эта идея не представляется новой. Сторонники либерализма укажут на западную демократическую модель. Феноменология заявляет нечто иное — удостоверение в том, что движение идет в верном направлении, возможно не вследствие эффективной практической реализуемости конкретных идей, а при условии глубокого и строгого рационального продумывания, способного распознать признаки приближающейся катастрофы в самом, казалось бы, благополучном положении. Феноменология в силу своей внутренней сути не принимает никакого положение вещей как окончательное — сколь успешным ни казался бы ход событий, он предстает как естественный, если волевым усилием человека и общества не остановлены иррациональные, пассивные, чувственные видение и оценка [8, с. 123]. По существу, этическое учение Э. Гуссерля — это радикальный отказ от критерия практики как инстанции истинности, это — этика телоса, утверждающая необходимость обновления и требующая усилия мысли, неотъемлемой частью которого являются также болезненные переживания отрицания и глубокие сомнения. Это, скорее, этический опыт трудного мышления.

Феноменология Э. Гуссерля в целом и его учение об интенциональности сознания в частности позволяют соединить в ценностном плане объективную и субъективную реальности, избежать экзистенциального вакуума, репрезентирующего разрыв личностного начала и форм общественной деятельности, неизбежно возникающего в результате формализации культуры и идеологизации научной картины мира. Вопрос о включении положений гуссерлевской феноменологии в здание постнеклассической рациональности остается открытым. Речь может идти о типе исследователя духовных проблем. Поскольку в феноменологии разрушается ценность естественного хода вещей, следует предположить, что формой интерсубъективных проявлений трансцендентального Я не могут выступать различного рода объективации, в том числе выражаемое вовне воление. Более подходящим словом может служить «присутствие»,

отчасти связанное со значением хайдеггеровского Dasein. Трансцендирующий свое бытие человек преобразует общество своим присутствием. Однако атомарное существование единичных реальностей вряд ли может изменить ситуацию в целом. Необходим институт, в котором исходно приветствовалось бы такое присутствие. Э. Гуссерль говорит со всей определенностью, что таким институтом может быть только наука. В ценностном плане Э. Гуссерль предлагает пути, на которых нормативная этика превращается в сущностную науку о единичной духовной реальности, ведущей тяжелую внутреннюю борьбу за право обрести ранг априорной всеобщности. Эта стратегия является утверждением этической сущности проекта просвещения, попыткой на иных основаниях реализовать мысль И. Канта об универсальном характере морального закона, пребывающего внутри человека.

Список цитированных источников

1. Мамардашвили, М. К. Классическая и современная буржуазная философия / М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьев, В. С. Швырев // Необходимость себя. — М., 1996.
2. Швырев, В. С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы / В. С. Швырев. — М., 1988.
3. Берега рациональности: беседа с В. С. Швыревым // Вопр. философии. — 2004. — № 2.
4. Акчурин, И. А. Методологический принцип единства научного знания и современное понимание бытия (по Хайдеггеру) / И. А. Акчурин // Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI века / отв. ред. Л. Б. Баженков. — СПб., 1999.
5. Гайденко, П. П. Научная рациональность и философский разум в интерпретации Э. Гуссерля / П. П. Гайденко // Вопр. философии. — 1992. — № 7.
6. Жаров, С. Н. Трансцендентное в онтологических структурах научной теории / С. Н. Жаров // Наука: возможности и границы — М., 2003.
7. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия / Э. Гуссерль // Философия как строгая наука. — Новочеркасск, 1994.
8. Гуссерль, Э. Статьи об обновлении / Э. Гуссерль // Вопр. философии. — 1997. — № 4.
9. Хайдеггер, М. Феноменология и трансцендентальная философия ценности / М. Хайдеггер. — Cartel, 1996.

Дата поступления в редакцию: 28.02.2012 г.